

УДК 81-2:8.11[161.1:512.111]

**СИМВОЛИКА РАДУГИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ:
КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Мясникова И.А.

Статья посвящена сопоставительному анализу символики радуги в паремиологическом фонде русского и чувашского языков. Радуга рассматривается как знаковое природное явление, репрезентирующее трансцендентные, этические и сакральные смыслы. Исследование выполнено в русле когнитивной семантики и лингвокультурологии с привлечением этнолингвистических данных. Установлено, что в обеих лингвокультурах радуга выступает символом границы между мирами, знаком божественного предупреждения, а также аксиологическим маркером условий, необходимых для достижения гармонии. Несмотря на независимое формирование образа радуги, наблюдаются типологические совпадения в мифологических трактовках и когнитивных схемах.

Ключевые слова: радуга, паремии, символ, когнитивная метафора, лингвокультурология, чувашский язык, русский язык.

**RAINBOW SYMBOLISM IN THE PAREMIOLOGICAL FUND
OF THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES:
COGNITIVE AND LINGUA-CULTURAL ANALYSIS**

Myasnikova I.A.

This article presents a comparative analysis of rainbow symbolism in the paremiological fund of the Russian and Chuvash languages. The rainbow is considered as an iconic natural phenomenon representing transcendental, ethical and sacred meanings. The research is carried out in line with cognitive semantics and lingua-culturology using ethno-linguistic data. It has been established that in both linguistic cultures, the rainbow acts as a sign of a boundary between worlds, a sign of divine warning as well as an axiological marker of conditions necessary to achieve

harmony. Despite independent formation of the rainbow image, there are typological coincidences in mythological interpretations and cognitive schemes.

Keywords: rainbow, paremia, symbol, cognitive metaphor, lingua-culturology, the Chuvash language, the Russian language.

Радуга – природное явление, которое на протяжении веков привлекало внимание человека, становясь объектом мифологизации, сакрализации и символического осмысления. В русской и чувашской традициях радуга занимает особое место, будучи не только визуальным феноменом, но и знаком, маркирующим пограничные состояния, сакральные границы и посткризисную гармонию. Целью настоящей статьи является выявление и интерпретация символических значений радуги в паремийном фонде русского и чувашского языков.

В качестве основных *методов анализа* использовались: лингвокультурологическая интерпретация, когнитивно-семантический анализ, метод сопоставительного описания, а также структурно-семантический разбор паремий. Эмпирическую базу составили пословицы и поговорки, извлечённые из лексикографических источников, фольклорно-этнографических сборников, а также данные корпусной лексикографии. Теоретической основой настоящего исследования стали труды по когнитивной семантике и лингвокультурологии (Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф), а также разработки в области фразеологии и паремиологии, представленные в работах В.Н. Телия, Н.Д. Арутюновой и А.А. Зализняк. Особое значение имеет концепция культурно маркированных смыслов, изложенная В. Н. Телия, согласно которой фразеологизмы и паремии репрезентируют коллективные ментальные установки и выполняют функции семиотических моделей мира [9, с. 88]. Анализ символики радуги в пословицах опирается на представление о семантической структуре как о многоуровневой системе смыслов [1, с. 23], где образ радуги интерпретируется как синтез сенсорных признаков, этнически закреплённых концептов и символических обобщений. Методика соотнесения образных схем с универсальными и

культурно-специфическими концептами восходит к лингвистическим подходам А.А. Зализняк, особенно в аспекте анализа устойчивых выражений и их прагматической направленности [см.: 4].

Паремиологический фонд — одно из ключевых хранилищ этнокультурной информации, фиксирующее устойчивые вербальные конструкции, в которых отражаются коллективные представления, ценности и символы. Пословицы и поговорки служат формой языковой фиксации традиционных представлений о мире, включая символические интерпретации природных явлений. Пословицы и поговорки служат формой языковой фиксации традиционных представлений о мире, включая символические интерпретации природных явлений. Согласно Е.С. Кубряковой, пословицы не столько передают прямые денотативные значения, сколько «продукты вторичной концептуализации, в которых отражаются культурно закреплённые образы и типизированные формы мышления» [5, с. 147], что позволяет рассматривать паремии как когнитивные единицы, оформляющие этнокультурные сценарии и отражающие устойчивые способы осмысления природной реальности. Природные явления, обладающие высокой визуальной экспрессией и символическим потенциалом, прочно закреплены в паремиологическом сознании как знаки высшего порядка. Одним из таких явлений является радуга – визуально-знаковая структура, объединяющая противоположности (свет и тьму, дождь и солнце) и репрезентирующая концепты гармонии, границы и послания свыше.

Интерпретация радуги как медиативного объекта соотносится с универсальными когнитивными механизмами, описанными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в рамках теории концептуальной метафоры [см.: 6]. Радуга может выступать в роли символа перехода от одного состояния к другому (буря → покой), репрезентируя метафору *change is a journey* (перемены как путь), а также *desire is a distant object* (желание как отдаленный объект), когда она трактуется как недостижимое и в то же время вожаемое явление. В этом контексте радуга становится знаком трансформации, надежды или завершения.

Паремии фиксируют не только наблюдение за природой, но и глубинные когнитивные схемы, где радуга символизирует переход от разрушения к восстановлению и указывает на особый порядок, возникающий после хаоса.

Сопоставление паремиологического материала славянских и тюркских языков выявляет как сходные элементы в символической репрезентации радуги, так и глубокие различия, продиктованные этнокультурной спецификой. В славянской традиции радуга воспринимается как символическое послание «свыше», отражающее мифопоэтическое представление о взаимодействии земного и небесного начал [3, с. 125]. Часто она маркирует благополучный исход после природной бури, символизируя восстановление порядка. В славянской паремиологической системе радуга интерпретируется как граница между мирами, возникающая на стыке противоположных стихий – дождя и солнца [7, с. 73]. Появление радуги маркирует завершение бурного периода и переход к спокойствию, однако сама она нередко воспринимается как знак перемен, требующих осмысления и внутренней готовности.

Рассматриваемые русские паремии с компонентом радуга демонстрируют прагматическую ориентацию народного метеорологического знания, в рамках которого радуга осмысляется не столько как мифопоэтический символ, сколько как эмпирический индикатор изменений погоды. Подобные выражения фиксируют корреляции между пространственным положением радуги и характером грядущих атмосферных явлений. Так, в паремии «Радуга на западе – жди дождя, на востоке – погода скоро установится» задействуется ориентация на движение атмосферных фронтов, традиционно приходящих с запада. Появление радуги в западной части неба интерпретируется как предвестие осадков, тогда как восточная радуга свидетельствует о завершении дождя и приближении ясной погоды. Этот принцип пространственной дифференциации продолжается и в следующем выражении: «Радуга с наветренной стороны – день будет дождливый, радуга с подветренной стороны – скоро прояснится», где акцентируется знание локальной розы ветров. Появление радуги с наветренной стороны свидетельствует о приближении влажных воздушных

масс, в то время как её видимость с подветренной стороны маркирует уход фронта и стабилизацию метеоусловий.

Аналогичная модель пространственной проекции реализуется в паремии «Радуга поперек реки – будет хорошая погода, а если радуга вдоль реки – то будет сильный дождь». Здесь радуга осмысляется сквозь топографическую призму, где поперечное её положение указывает на кратковременный характер атмосферного явления, а продольное – на его устойчивость и интенсивность.

Таким образом, в народной картине мира выстраивается целостная система интерпретации пространственно-ориентированных природных сигналов. Особое место занимает паремия «Зелёная радуга к дождю, жёлтая – к хорошей погоде, красная – к жаре, ветру», где наблюдается цветовая стратификация. Спектральные компоненты радуги приобретают прогностическую функцию: зелёный цвет ассоциируется с влажностью и тучами, жёлтый – с прояснением, а красный – с жаркими и ветровыми условиями. Это отражает не только наблюдательность, но и синестетическую установку народного мышления, в котором зрительные признаки переводятся в чувственно-прагматические прогнозы. Определения «семицветная радуга» и «Радуга – дуга небесная» закрепляют в языковом сознании образ радуги как завершённого и визуально оформленного природного явления. Первая из формул акцентирует на числе семь как символе полноты и гармонии, а вторая – фиксирует визуальную кривизну и локализацию на небосводе. Обе конструкции обладают номинативной функцией и служат когнитивными опорами для формирования более сложных интерпретаций природного феномена в народных представлениях.

В тюркской, в частности чувашской, лингвокультурной традиции радуга также входит в сферу сакральной символики, но в большей степени связана с обрядами, этическими запретами и знаковыми интерпретациями, апеллирующими к идее границы и вмешательства высших сил [3, с. 125]. Радуга характеризуется магической природой, где она становится посредником между человеком и непознанным. В чувашской традиции радуга носит имя

асама́т кё́перё, что буквально переводится как «небесный мост» [2, с. 57]. Такая номинация отражает древнюю сакральную модель: радуга как связующее звено между мирами. Образ *асама́т кё́перё* закреплён в чувашской картине мира как явление, соединяющее землю и небо, воплощающее сакральную границу между мирами. В народных представлениях появление радуги трактуется как знак умиротворения после грозы или дождя – символ гармонизации стихий и восстановления баланса в природе [8, с. 4550].

Паремиологически мотивированная структура «*асама́т кё́перё*» также фиксирует мифопоэтический взгляд на радугу как путь, по которому передвигаются небесные сущности или души, поэтому представляется возможным утверждать, что лексема *асама́т кё́перё* выступает репрезентантом концепта «граница», а также «переход». Радуга не воспринимается как явление исключительно визуального порядка, а наполняется экзистенциальным, космологическим содержанием. В пословице *Аслати авётмасёр асама́т кё́пер хывмасть* («Без грома радуга не проложит мост») фиксируется идея последовательности: кризис (гром) — восстановление порядка (радуга). Эта структура восходит к архаичной мифологеме испытания и последующего благословения. В радуге закодировано символическое завершение разрушительной фазы и наступление гармонии.

В чувашской лингвокультуре радуга (*асама́т кё́перё*) воспринимается как особое небесное явление, обладающее не только визуальной выразительностью, но и сакральным статусом. Её образ прочно связан с представлениями о границе между мирами, медиативной функцией (т.е. радуга фигурирует как проводник между мирами или знак вмешательства высших сил и выполняет функцию символического посредничества) и действием высших сил. В фольклорно-обрядовом контексте радуга наделяется атрибутами живого существа, способного влиять на порядок вещей. Эта установка отражается в серии поведенческих и вербальных табу, зафиксированных в традиционной культуре: считается недопустимым указывать на радугу пальцем или пытаться пересечь её путь. Подобные действия интерпретируются как нарушение

священных границ и проявление неуважения к явлению, наделённому особым статусом в народной традиции, а также являются нарушением негласных правил обращения с природным явлением, к которому относились с особым уважением. Сакрализация радуги усиливается её визуальной недоступностью и эфемерностью: она появляется на короткое время, исчезает при приближении, не имеет начала и конца, что усиливает её пограничный статус в народном сознании.

Когнитивные и символические модели

В обеих лингвокультурах прослеживается общий архетип: радуга как граница. В когнитивных терминах радуга репрезентирует концепт Перехода, концепт Завершения и концепт Гармонии. В чувашском сознании радуга чаще маркирует преодолённую опасность, в русском — неуловимость желаемого.

Типологически значимым оказывается сопоставление когнитивных моделей, представленное в таблице:

1	Когнитивная модель	Чувашская культура	Русская культура	Примеры
2	Радуга как врата между мирами	Да	Нет	<i>Асамат кёперё</i> (Небесный мост).
3	Радуга как знак завершённого конфликта, как награда за испытание	Да	Да	<i>Аслати авйтмасёр асамат кёпер хывмась</i> (Без грома радуга не проложит мост).
4	Радуга как иллюзорная надежда	Нет	Да	Где начинается радуга, там клад зарыт; воду из реки ведром не вычерпашь, радугу с неба рукой не схватишь.

Аксиологический статус радуги

Радуга в обоих языках сохраняет положительную аксиологическую маркировку. Она обозначает восстановление, очищение, знамение. В чувашской паремии радуга не может появиться без грома, а в русской — появляется после дождя: и та, и другая модель строятся на бинарной оппозиции

хаос – порядок. Радуга символизирует переход от разрушения к целостности, от страха – к надежде.

Паремиологическая репрезентация радуги в славянской и тюркской традициях демонстрирует устойчивость локальных когнитивных моделей, основанных на наблюдении, цикличности и сакральной маркировке. Вместе с тем при широкой культурно-семантической перспективе можно зафиксировать, что интерпретации радуги в других мировых культурах также строятся по принципу символической кодировки цвета, формы и расположения. Так, в китайской традиции пять цветов радуги символизируют союз инь и ян, а её семиотическое значение связано с гармонией и равновесием. В ряде гербов государств глобального Юга радуга репрезентирует надежду, свободу и постколониальное возрождение. Символ Олимпийских игр, включающий пять переплетённых разноцветных колец, метафорически разворачивает структуру радуги как универсального знака единства в многообразии. Сопоставление этих интерпретаций с русскими и чувашскими образами выявляет как универсальные архетипы (переход, завершённость, примирение), так и культурно-специфические акценты, варьирующиеся от сакральной дистанции до бытового предзнаменования. В этой системе координат радуга выступает как знаковое образование, в котором пересекаются космологические, мифопоэтические и эмпирические представления о мире.

Подводя итог, следует сказать, что анализ паремиологического материала позволил выявить устойчивые когнитивные и аксиологические структуры, отражающие символику радуги как природного феномена с глубокой культурной нагрузкой. Русская и чувашская лингвокультуры независимо формируют образ радуги как знака границы, надежды, завершения. При этом в чувашском языке преобладает сакральный и ритуальный компонент, в русском – рационально-оценочный. Исследование подтвердило, что, несмотря на отсутствие фразеологических заимствований, типологическая близость в моделировании радуги как символа восстановленного порядка и преодолённой угрозы очевидна.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений; Оценка, событие, факт / Отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 338, [1] с.
2. Борисова Л.В. Лингвокультурологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2015. 373 с.
3. Борисова Л.В. Стереотипы традиционного народного сознания и этнокультурные архетипические представления в языковой репрезентации (на материале русского и чувашского языков): дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Казань, 2015. 465 с.
4. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знания о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 252, [2] с.
7. Мясникова И.А. Метафорические параллели в интерпретации погодных явлений в англо-русском дискурсе // Филологическая проблематика в системе высшего образования: Материалы X Всероссийской научно-практической онлайн-конференции. Самара, 24 января 2025 года. Самара: Приволжский государственный университет путей сообщения, 2025. С. 72-75.
8. Мясникова И.А. Функционирование репрезентантов природных явлений летнего времени года в языковой картине мира в английском и чувашском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 12. С. 4548-4553.

9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Сведения об авторе:

Мясникова Ирина Алексеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия).

Data about the author:

Myasnikova Irina Alekseyevna – Senior Lecturer of Foreign Languages Department No 2, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary, Russia).

E-mail: myasnikovaia@inbox.ru.